

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

- Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.
- С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —
- Съ пересылкою во все города. 5 » —
- За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитоня въ Огородни-
кахъ, на Покровскѣ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ «РАЗВЛЕ-
ЧЕНІЕ» СТОИТЪ:

Въ Германію и Австрію	5 р. с.
» Бельгію	5 р. 50 к.
» Францію	6 р.
» Италію.	6 р.
» Англію	6 р. 50 к.
» Испанію	6 р. 50 к.
» Швейцарію	7 р.

Гг. подписчики, отъѣзжающіе за границу и желающіе получить тамъ «Развлечение», прила-
чиваютъ къ цѣнѣ журнала столько, сколько при-
ходится по этому разчету.

Гг. заграничные подписчики могутъ адресовать-
ся или въ редакцію, или въ Газетную Экспеди-
цію МОСКОВСКАГО Почтамта.

ДУМЫ

Подраженіе Т. Шавченкѣ.

(А. Е. Р—ву.)

Думы мои, думы,
 Думы, мои дѣти!
 На-смѣхъ породило
 Горе васъ на свѣтѣ.
 Горе васъ родило,
 Бѣда вспеленала,
 А тоска надъ вами
 Плакала-рыдала...
 Почемужь слезами
 Васъ не затопила?
 Легче бы безъ васъ мнѣ
 Жить на свѣтѣ было.

Думы мои, думы!
 Что мнѣ дѣлать съ вами?
 Кишу я васъ въ рѣку—
 Ходите волнами,
 Брошу васъ на вѣтеръ—
 Тучами несетесь,
 Вынесу въ лѣсъ темный—
 Соловьемъ залетесь;
 Кишу васъ въ огонь я,
 Думаю, сгорите,—
 А вы предо мною
 Плачете-стоит!

Думы-жь мои, думы!
 Что-жь мнѣ дѣлать съ вами?
 Кинуть, знать, придется
 Жить васъ сиротами.
 Лягу я въ могилу
 Оченьки закрою,
 Приходите-жь, думы,
 Плакать надо мною...
 На мою могилу
 Падайте слезами,
 Выростайте, думы,
 Надо мной цвѣтами!

И. Суриковъ.

СОКОЛЬНИЦКАЯ ИДИЛЛІЯ

Ахъ, не все намъ рѣки слезныи
 Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ;
 На минуту позабудемъ
 Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ.

Карамзинъ.

Это даже и не совсѣмъ вымыселъ, но не совсѣмъ же и былъ, а былъ, въ нашъ скептическій вѣкъ похожая на вымыселъ: мы вѣдь стали черствы, недовѣрчивы, положительны, на все смотримъ хладнокровно, любовь не можемъ представить иначе, какъ при большомъ приданомъ,

а проявленіе этого чувства въ простоподиянѣ принимаемъ не иначе, какъ за животныя влеченія; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сокольникахъ случилось нѣчто, не подходящее подъ эти понятія, что мы теперь и хотимъ разсказать нашимъ читателямъ.

I

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, живя въ Сокольникахъ, почти каждое утро и въ другое время дня на такъ называемомъ *старомъ гуляньи*, я постоянно встрѣчалъ одного скромно одѣтаго и, повидимому, большого человека лѣтъ подъ сорокъ, который ходилъ постоянно одинъ, повѣсивши голову, повидимому глубоко задумавшись и не обращая ни на кого никакого вниманія... Одѣтъ онъ былъ скромно, въ чемъ нибудь сѣренькомъ, какъ это, по великосвѣтски выражаются, *безъ бльля*, и своимъ поведеніемъ и также молчаливыми появленіями на гуляньяхъ и только что входившими тогда въ моду лѣтними балами въ палаточкахъ г-на Куртенера, обращалъ на себя вниманіе и получилъ отъ всѣхъ прозвище чудака.

Я встрѣтилъ его какъ-то въ жаркій полдень, на его обычномъ мѣстѣ, на скамейкѣ, подъ сосною, противъ мѣста, занимаемого, какъ думаютъ нѣкоторые, *извѣстными всему свѣту* сокольницкими самоварницами.

Въ средѣ ихъ была одна смазливенькая дѣвочка—Лиза, къ которой, какъ я замѣтилъ, сокольницкій чудакъ оказывалъ особенное вниманіе и слѣдилъ за всѣми, кто бывалъ чаще обыкновеннаго около нея. Я замѣтилъ этого чудака въ то время, когда шелъ отъ этой хорошенькой самоварницы.

— Молодой человекъ, молодой человекъ! окрикнулъ онъ меня.

Я оглянулся.

— Пожалуйте-ка сюда, пожалуйста-ка... Да полноте-ка церемониться, пожалуйста-ка! пригласилъ онъ какъ-то особенно желчно, настоятельно, такъ что я невольно подошелъ къ нему.

— Садитесь.

Я сѣлъ.

— Молодой человекъ, я невольно, извольте видѣть, обращаю на васъ особенное вниманіе.

— Что вамъ угодно?

— Я, извольте видѣть... дѣло-то оно немножко щекотливое...

— Что же такое?

— Я вотъ... Какъ бы это опредѣлить-то вамъ... Я просилъ бы васъ, молодой человекъ, онъ видимо дѣлалъ надъ собой усиліе,—просилъ бы васъ и вашихъ молодыхъ товарищей оставить въ покоѣ ту дѣвушку, отъ которой вы теперь идете.

— То-есть какъ это въ покоѣ?... мы ея не беспокоимъ!

— Это очень можетъ быть, что не безпокоите, но вы вотъ ходите къ ней часто, чай у ней шете, дасте ей по-рюблю и болѣе, ложечки дарите...

— Да вамъ-то въ этомъ какое дѣло?

Бывши въ молодости особенно занальчивъ, я видимо отвѣтилъ ему рѣзко... Онъ будто оробѣлъ, но такъ и ухватился за меня.

— Молодой человѣкъ, молодой человѣкъ... Извините меня, но я обращаюсь къ вамъ, потому что вы мнѣ нравитесь, довѣріе мнѣ внушаете.

— Очень вамъ благодаренъ... Что же вамъ стѣ меня угодно?

— Я у васъ не требую, я прошу у васъ... здѣсь такъ много молодыхъ дѣвушекъ, молодыя дѣвушки такъ любятъ молодыхъ людей, вы такой молодой, такой молодецъ...

— Очень вами благодаренъ! отвѣтилъ я усмѣхнувшись. Мнѣ было тогда лѣтъ осьмнадцать и лестно было слышать такіе комплименты.

— Очень вамъ благодаренъ, но я не понимаю, что вамъ отъ меня угодно.

— Вы не будете надо мной смѣяться?...

— Зачѣмъ же смѣяться, если не будетъ смѣшно?

— Ну, а если смѣшно будетъ?

— Тогда ужъ извините...

«Смѣяться право не грѣшно

Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно».

— Ну, вотъ—вы сейчасъ и стихами, я вотъ о серьезномъ, жизненномъ дѣлѣ, а вы стихами!

— О серьезномъ, жизненномъ... Ну, говорите, не буду смѣяться.

— Ну, хорошо, спасибо вамъ... я такъ и думалъ, что вы... что съ вами можно... того... поговорить съ вами можно... Вотъ видите, я хотѣлъ поговорить съ вами... вотъ видите, эта Лиза, дѣвушка эта, мнѣ дорога очень, потому... потому, что я ее очень люблю...

Онъ съ большимъ трудомъ выговорилъ это слово и даже на его щекахъ всыхнулъ болѣзненный румянецъ. Я внимательно оглянулъ его и помню, что въ то время мнѣ, свѣжему и молодому, хотѣлось захохотать при этомъ признаніи во все горло, но помню, что я удержался... Какъ сейчасъ помню фигуру и черты этого человѣка: средняго роста, сгорбленный, съ тонкими чертами лица, очень худой и болѣзненный, онъ смотрѣлъ очень жалко; жизнь, видимо, прошла по нему непривѣтливою рукою, какъ я узналъ потомъ, онъ былъ въ чухоткѣ при последней степени и лѣчился сывороткою... Осунувшееся лице его смотрѣло очень симпатично, но зловѣщій блескъ глазъ и румянецъ придавали этому лицу неприятное, болѣзненное выраженіе. Когда онъ выговорилъ «люблю», онъ закашлялся и схватился за горло... на глазахъ у него были

слезы. Помню, что это на меня сильно подѣйствовало и мой непрощенный смѣхъ смѣнился чувствомъ сожалѣнія.

— Простите, что я васъ обезпокоилъ, проговорилъ онъ потомъ съ разстановкою,—но я васъ прошу, оставьте эту дѣвушку и попросите вашихъ товарищей не преслѣдовать ея... Знаете, она дѣвушка не испорченная... честная дѣвушка... ее отецъ такой почтенный человѣкъ, онъ вотъ тутъ у одного купца садовникомъ служитъ... Его очень оскорбляетъ, когда вы къ ней пристаёте; занятіе ея честное, а вы все около нея съ задними мыслями... Прошу васъ, оставьте, пожалуйста старика.

Меня начинало сбивать съ толку: онъ просилъ то зѣ себя, то за отца Лизы.

— По вы вѣдь говорите, что она вамъ дорога?

— Да, то-есть... я вотъ теперь не совсемъ здоровъ... я поправляюсь и тогда я, можетъ быть...

— Что же вы женитесь что ли на ней хотите?

— Да я... я думалъ объ этомъ. Вотъ видите, какъ я откровененъ съ вами.

Мнѣ опять, по молодости и беззаботности, хотѣлось расхохотаться при этомъ, но я снова удержался.

— Такъ будьте добры, молодой человѣкъ, не откажите въ моей просьбѣ; васъ послушаются, васъ любятъ товарищи.

Ему повидимому хотѣлось польстить мнѣ.

— Хорошо, хорошо-съ, отвѣчалъ я ему тономъ покровительства,—я постараюсь сдѣлать это для васъ.

— Пожалуста, пожалуста, вы меня очень, очень одолжите.

Онъ мнѣ подаль руку, я пожалъ ее съ видомъ покровительства и пошелъ въ другую часть Сокольниковъ, къ дачамъ.

Осьмнадцать лѣтъ и полная свобода взяли свое: какъ мнѣ ни жаль было этого больнаго чудака, когда онъ былъ предо мною, но, оставшись наединѣ, я расхохотался... «Лиза-то, Лиза какія побѣды дѣлаетъ! и вѣдь ничего не скажетъ, шельма эдакая!... Ну, погоди же, погоди же, теперь за все расплатишься!...»

Ужъ какъ это случилось, я не знаю, но вскорѣ всѣ мои товарищи знали про это и, по обычаю молодости, приняли дѣло совершенно съ другой стороны. Какъ я ни убѣждалъ ихъ, ни уговаривалъ, они затѣли сыграть какую-то штуку надъ бѣднымъ, влюбленнымъ старикомъ. Мы какъ-то раздѣлились съ этого времени и пошли по разнымъ дорогамъ, мнѣ болѣе всего хотѣлось подсмотреть, когда и какъ онъ проводитъ время съ Лизой, что они говорятъ, какъ она къ нему относится и т. п.—молодежь же, товарищи, затѣвали что-то другое. Сколько я ни сторожилъ, мнѣ никакъ не удавалось застать старика у Лизы,—онъ постоянно, почти цѣлый день, сидѣлъ на скамейкѣ пртивъ столовъ, на которыхъ торговала она и не

диль съ нея глазъ; онъ смотрѣлъ, кто бывалъ у ней, какъ и съ кѣмъ она говорила, и все ощущенія, все страданія его отражались на его лицѣ, онъ какъ бы подвѣргалъ себя добровольной пыткѣ, которая сдѣлалась его необходимостью. Какъ-то я улучилъ время и утромъ, когда еще на «Волчьей Долинѣ» почти никого не было, засталъ Лизу одну. Старика также не было.

Она что-то прятала въ тележку, на которой обыкновенно привозятся самовары и посуда, и не была даже нарядно одѣта, какъ обыкновенно одѣваются самоварницы, но въ простомъ ситцевомъ платьѣ, совершенно по домашнему; дѣвушка отъ этого костюма казалась еще лучше. Дѣйствительно Лиза была прехорошенькая полугородская, полудеревенская дѣвушка, типъ ея былъ привлекательный: высокая, стройненькая, съ густыми черными волосами, съ длинною косою, съ темными на выкатъ глазами, съ миниатюрнымъ, свѣженькимъ, румянымъ личикомъ, съ бойкими чертами и немножко вздернутымъ носикомъ, она производила очень выгодное впечатлѣнiе; и въ дальнѣйшемъ знакомствѣ ее нѣсколько портитъ небольшая сутуловатость и большая вялость...

Встрѣтила она меня на этотъ разъ не совсемъ ласково.

— Есть чай, Лиза? спросилъ я ее.

— Какой еще чай—рано; еще не все вывезли.

— Какъ не все, а это-то что?— Я указалъ на тележку.

— Не все, трубы нѣтъ, да и приборъ не весь.

— Ну нѣтъ, такъ на нѣтъ и суда нѣтъ. Спички есть?

— И спичекъ нѣтъ.

Въ это время къ намъ подошелъ молодой парень съ сигарами и папиросами, которые и до сихъ поръ во множествѣ торгуютъ по Сокольникамъ, малый молодой, бѣлокурый, съ природно выщипане кудрями, съ загорѣлымъ и сумрачнымъ, серьезнымъ лицомъ. Онъ видимо слышалъ мой вопросъ о спичкахъ.

— Коробку что-ль прикажете? обратился онъ неожиданно ко мнѣ, смотря сердито и непривѣтливо.

— Давай коробку, выговорилъ я невольно.

Онъ подаль.

— Много ли?

— Что пожалуете.

И бросилъ ему какую-то мелкую монету, закурилъ папироску и пошелъ прочь, «сигары-папиросы» остался съ Лизой. Удаляясь, я слышалъ, что онъ что-то проворчалъ, потому мнѣ послышался крупный и грубый разговоръ его съ Лизой.

— Что-жь мнѣ дѣлать, что же мнѣ съ ними дѣлать? слышался ей несклиный голосокъ.

«Ну, это еще нѣчто новое, подумалъ я,—бѣдный старикашка!...» Я стоялъ нѣсколько подале и сѣлъ на одну изъ лавочекъ; между высокими соснами вдали виднѣлись и тележка Лизы, и она сама, и бѣлокурый дѣ-

тина. Лиза, понурясь, стояла надъ тележкой; ея тонкій профиль рѣзко выдѣлялся на свѣтлой полосѣ дыма, который валилъ изъ самовара, «сигары-папиросы» стоялъ ко мнѣ задомъ, какъ-то избоченясь и передергивая свой ящикъ съ сигарами; мнѣ такъ и рисовалось его грубое лицо, хотя я его и не видалъ, онъ все продолжалъ кричать на Лизу, потому зачѣмъ-то схватилъ ее за руки и должно было жалъ или ломалъ ихъ, потому что Лиза раза два вскрикнула; я уже хотѣлъ было бѣжать къ ней на помощь, но бѣлокурый дѣтина толкнулъ ее отъ себя, плюнулъ ей въслѣдъ и пошелъ прочь... Лиза закрыла фартукомъ глаза и пошла прочь...

Первымъ моимъ движенiемъ было пойти къ ней, но чтобы не встрѣтиться съ этими ужасными «сигары-папиросы», я почти въ бѣгъ бросился по дорожкѣ, чтобы обогнуть сарайчикъ, гдѣ даются вечера и встрѣтить ее у выхода, но пройдя скорымъ шагомъ небольшое пространство, я встрѣтился съ отирающимся на свой обычный постъ старикашкой.

— Куда вы, куда это вы? и онъ почти загородилъ мнѣ дорогу.

— Постоите, постоите! отвѣтилъ я ему и повидимому оставилъ его въ недоумѣнiи.

Я едва нагналъ Лизу.

— Лиза, Лиза! скажи, что такое, за что тебя обидѣли?

Но она ничего не отвѣтила на мои воззванiя, повернула было ко мнѣ голову, махнула рукою и пошла дальше.

Зло взяло меня на нее, я также отвернулся отъ нея и пошелъ къ старикашкѣ.

Я подходилъ къ нему тихимъ и покойнымъ шагомъ; онъ сидѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ и съ видимымъ нетерпѣнiемъ смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ обыкновенно торговала Лиза. Увидавъ меня, онъ еще съ большимъ нетерпѣнiемъ обратился ко мнѣ, и взглядъ его, и вся фигура такъ и прониклась напряженнымъ любопытствомъ.

— Что это съ вами случилось такое, батюшка? заговорилъ онъ, какъ только я подошелъ къ нему,—куда это вы такъ устремлялись, куда это такъ?

Я сѣлъ около него, отдохнулъ немного и все по порядку рассказалъ ему. Надо было видѣть, что дѣлалось во время моего разказа съ его болѣзненнымъ, нетолненнымъ лицомъ: каждое слово, казалось, ножомъ вонзалось въ его сердце и онъ повидимому равносильно чувствовалъ эту боль и только что не кричалъ. Въ выраженiи его лица смѣшивались и ревность, и злоба, и какая-то безнадежность, близкая къ отчаянiю.

— Ломалъ ей руки? спрашивалъ онъ меня.

— Да... жалъ, знаете, эдакъ, она даже вскрикнула два раза.

— Потомъ ударилъ?

— Толкнулъ ее отъ себя.

— Это все равно... И она заплакала?

— Да, повидимому: закрыла глаза фартукомъ.

— Ну, да, да!—плакала, плакала! Ахъ, какъ бы намъ повидать ее? Знаете что, молодой человекъ, пойдите къ ней вмѣстѣ, когда она воротится, сдѣлайте мнѣ это одолженіе, мнѣ одному-то неловко эдакъ, неловко, знаете.

Мнѣ и самому хотѣлось увидать Лизу, а потому я охотно согласился. Старикаша (такъ мы его звали въ то время) пожалъ мнѣ руку и съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть въ ту сторону, откуда должна была показаться Лиза.

Векоръ она дѣйствительно пришла, одѣтая, какъ и обыкновенно, парадно и щеголевато и, повидимому, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ и всегда нѣсколько задумчивая и вялая.

— Пойдемте! обратился ко мнѣ старикаша, взявъ меня за руку и какъ-то судорожно сжавъ ее.—Пойдемте!

И онъ, оглядываясь робко по сторонамъ и какъ бы боясь, чтобы кто не увидаль его, хотя Сокольниковы были еще совсѣмъ пусты, сталъ вмѣстѣ со мною пробираться къ тому мѣсту, гдѣ стояли столы Лизы.

— Пойдемте, батюшка, пойдите! Утѣшимъ ее!

Мы подходили уже къ ней; Лиза накрывала столъ цвѣтной салфеткой и украдкой смотрѣла на насъ. Старикаша помѣстился на самой ближней къ выходу, принадлежавшей ей, скамейкѣ.

— Какъ бы это, батюшка, позвать ее сюда, а, какъ бы это? Закурите-ка, подите, у ней папиросочку, какъ вы это всегда дѣлаете, и шепните ей, чтобы пришла, пусть для виду и самоварчикъ намъ поставитъ.

И подошелъ къ Лизѣ. Она приняла меня очень недружелюбно.

— Что вы лѣзете, ну что вы лѣзете ко мнѣ? обратилась она ко мнѣ.

— Чего ты злишься, Лиза?—самоваръ нужно.

— Ну, подамъ; уйдите только Христа ради, Христа ради, уйдите!...

— Да что съ тобой, скажи на милость?

— Ахъ, да уйдите, уйдите отъ меня!

Она какъ-то робко оглядывалась... Я взглянулъ въ сторону—не гдалекъ отъ этого мѣста, около пустого, еще неокрытаго стола, сидѣлъ давшій дѣтина «сигары-папиросы», онъ повидимому спалъ или притворялся спящимъ: кудрявая голова его покоилась на локтяхъ, которыми онъ расположился на столѣ, предъ нимъ стоялъ недошитой полуштокъ, на травѣ рядомъ валялся его ящикъ съ сигарами, который обнюхивали двѣ-три сбѣжавшіяся собаки.

«А, вотъ оно что!» подумалъ я и подошелъ къ старику.

— Онъ здѣсь! шепнулъ я ему.

— Кто онъ?

— Ну, вотъ эти «сигары-папиросы».

— А! Гдѣ же онъ, гдѣ?

— Вонъ тамъ у стола.

— Можно на него посмотрѣть?

— Я полагаю... пойдите.

— Да онъ ничего... ничего онъ?

— Онъ спитъ.

— А, ну это ничего... Пойдемте.

Мы встали и вышли нѣсколько на площадку... Но такъ какъ ужъ начали собираться и другія самоварницы, то старикаша, чтобы какъ нибудь маскироваться, довольно громко сказалъ, обратясь къ Лизѣ:

— Послушай, Лиза, что же ты это, что же самоваръ-то?

— Си-ча-а-а-а-а! отвѣтила она протяжно и также громко. «Сигары-папиросы» поднялъ голову и оглянулъ все кругомъ. Лице его было красно, вѣроятно все отъ водки...

— Ишъ, вы! крикнулъ онъ на собакъ, перевѣсившись нетвердо, досталъ сигару и налилъ стаканъ водки.

— Фу, какой страшный! прошепталъ старикаша и пятился назадъ.

— Пойдемте, пойдите! тащилъ онъ меня назадъ.

И жалко, и смѣшно было видѣть его въ эту минуту: избѣдна-желтый, съ блуждающими глазами, въ камлотовой шинели застегнутой до верху, въ картузѣ съ большимъ козырькомъ, онъ походилъ какъ бы на сумасшедшаго, убѣжавшаго изъ больницы.

— Лиза, Лиза! дорогая ты моя! прошепталъ онъ, подходя какъ можно ближе къ дѣвушкѣ, которая несла самоваръ для насъ,—драгоценная ты моя! Обидѣли тебя, бѣдную!—И столько было въ этихъ словахъ нескончаемой любви, столько душевной муки, что нельзя было въ то время равнодушно смотрѣть на этого человека.

— Лиза, маточка! продолжалъ онъ, подходя съ ней къ столу,—дай намъ чайку, голубушка... и... сливочекъ подай.—И онъ съ такою нѣжностью смотрѣлъ на нее, что грѣшно бы было и смѣяться надъ нимъ.

— Ахъ, Василій Васильичъ, какъ вы мнѣ надоѣли, ужаси! проговорила дѣвушка,—кажись бы и рубля вашего не нужно.

— Да чѣмъ же, милушка ты моя, чѣмъ же я надоѣлъ-то?—Онъ, кажется, и забылъ про меня.

— Тѣмъ, что смерть мнѣ отъ васъ приходится! Вотъ чѣмъ!

— Смерть? какъ смерть? какъ смерть?

— Какая смерть! Настоящая смерть, хоть утопиться, аль зарѣзаться!

И дѣвушка круто повернулась и пошла прочь.

Старикаша такъ и ошѣпалъ.

— Что, что такое она говорить? Какъ утониться, какъ зарѣзъ....

Голосъ его оборвался, въ немъ слышались слезы....

— Смерть изъ-за меня, смерть! твердилъ онъ.— Господи! что-жь это такое?

— Успокойтесь, Василій Васильичъ—это она такъ; такъ, знаете, сбрехнула....

— Нѣтъ, нѣтъ, не.... не сбрехнула, она это за правду.... Слышите, слышите! схватилъ онъ меня за руку,—слышите, какъ онъ ругаетъ ее?

Дѣйствительно, зацѣпившій дѣтина съ «сигарами, папиросами» ругался на всю рошу.

— Шельма! За тѣмъ только и въ рошу вышла!... Къ тому только и на свѣтъ рождена!... Ишь, красавица... разрядилась! Не вѣрьте ей, честные господа, обманетъ, какъ вотъ меня обманула. Всю зиму водила, протянула до осени. Всего изъ-за нее лишился... Вотъ въ какую коммерцію попалъ!... Поддержите, господа, коммерцію!

Онъ сталъ обращать на себя вниманіе: собиралась толпа, которая послѣ него видимо интересовалась и нами.

Старикаша ежился.

— Что тутъ дѣлать, батюшка, а? Вѣдь скандалъ можетъ выдти, а? Скандалъ вѣдь. Я лучше съ нимъ уже, уже переговорю, прямо, честно переговорю...

— Ишь ты старичка какого подцѣпила! она знаетъ, кого подцѣпить... продолжалъ голосить дѣтина. — Кто больше дастъ, того и она... Цѣлую зиму водила, а я не то, чтобъ съ какими нибудь намѣреніями, я честнымъ образомъ, я жениться хотѣлъ на ней.

— Полно-ко ты, полно! вступилась за Лизу пришедшая мать ея,—жениться! да кто пойдетъ-то за тебя: ни кола, ни двора—тебя же придется одѣвзть да обувать...

— Молчи ты, старая черр...товка! крикнулъ дѣтина,—молчи—ты ей первая потатчица. Старичекъ почтенный, береги отъ нихъ свои деньги! продолжалъ онъ,—они оберутъ тебя... береги, братъ, эй, береги! Ты слуша-ка! онъ всталъ и подходилъ по направленію къ намъ, покачиваясь.

— Пойдемте, батюшка, пойдемте! съ испугомъ вскринулъ мой старикъ,—я лучше съ нимъ послѣ, уже, я съ нимъ честно переговорю... Лиза, обратился онъ къ дѣвушкѣ,—я уже!

Мы встали и пошли вправо, чтобъ пробраться задами.

— Э, видно сбрендилъ, братъ! кричалъ намъ вслѣдъ дѣтина.—Влюбленъ тоже... ха, ха, ха! Сна и пищи лишился, ха, ха, ха!

Мой старикъ былъ совершенно уничтоженъ этимъ происшествіемъ; онъ какъ бы еще болѣе похудѣлъ въ это время, лицо его осунулось, глаза безпокойно прыгали въ своихъ орбитахъ.

— Погоди-же, я уже одинъ на одинъ расправляюсь съ

этимъ грубіяномъ, — погоди, уже узнаетъ онъ у меня, шепталъ онъ со злобой,—погоди!...

Вышедши къ дачамъ, мы съ нимъ разстались.

Вечеромъ мнѣ не пришлось быть въ Сокольникахъ: ѣздилъ я куда-то къ знакомымъ на дачу. Утромъ, желая узнать, чѣмъ кончилась эта исторія, я пошелъ къ обычному мѣсту, которое обыкновенно занималъ мой стариканъ; прихожу—нѣтъ его, я къ Лизѣ—и ея нѣтъ, нѣтъ даже ни тележки, ни матери, которая обыкновенно разводила, или какъ это говорится, ставила самовары.

«Придутъ, молъ, вѣроятно», подумалъ я, съѣлъ у одного изъ ея столовъ и закурилъ папироску,—«за погодой, вѣроятно!» Дѣйствительно, погода была сырая. сумрачная; августъ уже приближался къ половинѣ и день выдался совершенно осенній: моросилъ мелкій дождь, вѣтеръ гулялъ по рощѣ, качая со свистомъ сосны, звуки гдѣ-то гудѣвшей шарманки доносились какими-то отрывками; но не смотря на то, кое-кто еще бродилъ по рощѣ и чайницы ко вѣзмъ и къ каждому подходили съ своей обычной фразой: «барыня, не чай ли кушать? что-жь самоварчикъ-то прикажете?» и т. п.

Одна изъ нихъ подошла и ко мнѣ, но, увидавъ меня поближе, она измѣнила эту обычную фразу на другую.

— Вы должно быть Лизу, баринъ?

— А что?

— Да то, что она нынче не выйдетъ.

— Почему?

— А вы развѣ не слышали, вчера-то, любезнаго-то ея до полусмерти избили, пожалуй и живъ не будетъ.

— Какого это любезнаго?

— А вотъ этого-то старичка-то почтеннаго, что съ вами-то хаживалъ.

— Василія Васильича?

— Ну да, кажись такъ его звать-то.

— Такъ это развѣ ея любезный?

— А какже, она еще съ самаго начала лѣта съ нимъ сошлась, виду-то только не подавала.

— Кто-жь его избилъ?

— А вотъ Иванъ Кудрявый, что папиросами-то торгуетъ.... И Боже ты мой, какъ онъ тузилъ его! Значитъ онъ вчера цѣль цѣлый день, такъ съ пьяну-то такъ его тузилъ... бѣда! Насилу отняли.

— Это онъ его вечеромъ что ли?

— Такъ вечеромъ, темно ужъ было, какъ они пере-вѣдались... Онъ это, старикъ-то, началъ его усовѣщивать, слово за слово, разговорились таково крушно, тотъ его и ударъ, потомъ подмялъ его подъ себя и давай тузить... насилу отняли его, ни живъ, ни мертвъ, такъ разсвирѣтилъ.

Остальное мнѣ было понятно.

Я почти бѣгомъ побѣжалъ на дачу къ Василью Ва-

сильевичу... Проходя мимо будки, я увидѣлъ большую собравшуюся толпу и полицейскихъ; въ чуланѣ, придѣланномъ къ будкѣ, безъ окошекъ и безъ дверей, раздавались ругательства и крики Ивана Кудряваго, который вопилъ, что у него отняли невѣсту, любовь и жизнь его отняли и что избили его, истеранили... Одинъ изъ полицейскихъ вышелъ изъ будки и вынесъ оттуда ящикъ съ сигарами и папиросами.

— Падѣнь, братъ, на ремень, да и ступай по роцѣ! сказалъ кто-то изъ толпы.

— Сигары, папиросы хорошѣ! крикнулъ какой-то мальчишка.

Въ чуланѣ послышались новые вопли и ругательства.

— Ну, подходи, подходи смѣльце! понукали другъ друга полицейскіе.—Приготовьте веревку—то, чтобъ сразу накинуть на него... вишь вѣдь звѣръ какой... Ну, подходи!

Я поспѣшилъ уйти отъ этой сцены и пошелъ на дачу Василья Васильевича.

Тамъ другія сцены: въ передней меня встрѣтила мать Лизы и повидимому докторъ, которому она подавала шанель.

— Ну, уходилъ таки онъ его! говорилъ онъ,—поубавилъ ему вѣку, пожалуй и не встанетъ.

Старуха причитывала и притворно плакала.

И прошелъ въ комнату Василья Васильевича... Тутъ я встрѣтилъ Лизу, съ такими же, повидимому, притворными восклицаніями.

— Что, Лиза, уходили старика?

— Ну, вотъ и уходили, я-то чѣмъ виновата...

— Можно его видѣть?

— Ступайте.

Я вошелъ въ слѣдующую комнату—спальню Василья Васильевича; тамъ онъ лежалъ въ своей постелѣ, высоко обложенный подушками, около него на полу стоялъ тазъ, на половину полный кровью; онъ глядѣлъ совершеннымъ мертвецомъ.

«Плохо дѣло!» подумалъ я и подошелъ къ нему. Онъ силится подать мнѣ руку... Я сѣлъ около него на постелѣ.

— Я... я... я все ему высказалъ! проговорилъ онъ мнѣ слабымъ голосомъ...

Старикъ съ трудомъ догннулъ до осени; въ первыхъ числахъ октября онъ переселился туда, гдѣ его чистая, искренняя любовь вѣроятно лучше поймется. Но духовному завѣщанію все свое имущество онъ оставилъ Лизѣ. Она, по его смерти, сошлась съ кудрявымъ Иваномъ и, говорятъ, гдѣ-то спали овощную лавку. Меня увѣрили, что вся эта исторія, побои на смерть и ея связь съ старикомъ была стачка между ними, и можетъ быть, да и вѣроятно, они и до сихъ поръ преспокойно проживаютъ, да добра наживаютъ: у насъ такимъ людямъ везетъ.

Ну, читатель, не знаю, доволенъ ли ты моей идилліей, я виѣстѣ съ тобой хотѣлъ на время позабыться въ «красныхъ вымыслахъ», а рассказалъ тебѣ грустную исторію; хотѣлъ напомнить *Карамзинскую Лизу*, а нарисовалъ *Лизу современную*... Свалимъ эту вину на время: кто же, въ самомъ дѣлѣ, виноватъ, если оно задаетъ такіе грустные тоны!

И. Скавронскій,

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ПЛѢННАЯ КРЫСА»

(письмо къ редактору).

Милостивый Государь!

Въ 36-мъ № вашего журнала помѣщена была статья подъ названіемъ «Плѣнная крыса»,—приведшая весь Каретный рядъ въ великое смятеніе.

Прежде всего считаемъ обязанностью выразить автору этой статьи нашу искреннюю благодарность за то вниманіе, которымъ почтилъ онъ каретнорядское невѣжество, до сихъ поръ еще, сколько намъ извѣстно, не затронутое колючимъ перомъ сатирика. Но этой статьѣ удалось и исполнѣе удалось кольнуть невѣждъ въ самое для нихъ чувствительное мѣстечко. И прекрасно! Дай Господи побольше такихъ статей.

Но авторъ «Плѣнной крысы» столкнулся въ Каретномъ ряду вѣдь только съ однимъ изъ безчисленнаго множества фактовъ, достойныхъ описанія. Да и фактецъ—то этотъ далеко не изъ крупныхъ. То ли еще каждый день происходитъ у насъ въ Каретномъ ряду—о, Господи! если поразсказать, тать уши завинуть. Крыса—это такой звѣрокъ, къ которому каретнорядцы преисполнены чувствомъ мщенія... ну хоть за порчу каретныхъ кузововъ, порчу, весьма впрочемъ рѣдко совершаемую крысами. Но вотъ собаки, на примѣръ, эти прямо полезныя твари, оберегающія отъ воровъ людское добро—онѣ-то чѣмъ могли противъ себя вооружить каретниковъ? А между тѣмъ посмотрите-ка: почти ни одна изъ забѣглыхъ собакъ не унеситъ благополучно ногъ своихъ изъ Каретнаго ряда.

Когда, на примѣръ, случится несчастному барбосу какомунибудь, или орелкѣ тамъ, пробѣгать вдоль по Каретному ряду, тогда почти изъ каждаго каретнаго сарая выскакиваетъ либо *батьюшкинъ сынокъ*, либо самъ *батьюшка*, убѣленный, говоря словами вашего автора, и украшенный «протяженнымъ сѣдовласіемъ браны своей». Каждый изъ таковыхъ героевъ вооружается кирпичемъ, палкой, булыжникомъ и съ гамомъ и гиканьемъ, съ ярыми междометіями вродѣ *го-го-го!* стремительно пускается преслѣдовать бѣднаго пса, который, поджавши хвостъ, улестывается во все лопатки.

Но куда бѣжать, въ какую сторону ткнуться?—такой вопросъ для каждаго пса оказывается неразрѣшимымъ:

Каретный рядъ длиненъ; съ обѣихъ сторонъ каменныя стѣны да сараи; въ дверяхъ сараевъ «активные герои» съ будыжниками, съ палками, съ камнями;—и летитъ бѣдный пѣсь, съ отчаяннымъ визгомъ летитъ сквозь строй «почтенныхъ» купцовъ, купчиковъ и купеческихъ прикащиковъ Каретнаго ряда, летитъ подъ градомъ палокъ, кирпичей, булыжниковъ....

О, сколько переломано собачьихъ ногъ, изуродовано собачьихъ реберъ и сколько наслажденій почерпнуто изъ всего этого «почтеннымъ» купечествомъ Каретнаго ряда!

Вотъ какъ относятся къ тварямъ неразумнымъ тѣ разумныя твари, которыхъ именуютъ людьми и которыхъ притомъ имѣютъ претензію причислить себя къ людямъ средняго круга. А теперь позвольте изложить вамъ вкратцѣ, какимъ манеромъ эти члены средняго круга относятся къ ближнему, къ подобному себѣ человѣку. Преувеличивать я не стану и за достовѣрность всего, что будетъ сказано мной, ручаюсь вамъ какъ членъ осмѣяннаго въ «Плѣнной крысѣ» купечества и, да будетъ мнѣ позволено прибавить—членъ, не принимавшій ровню никакого «активнаго» участія въ «крысиной трагедіи».

Каждый изъ людей, проходящихъ по Каретному ряду, можетъ быть увѣренъ вполне, что его преслѣдуетъ насмѣшливые взгляды и плоскія шутки каретнорядцевъ, сидящихъ и стоящихъ возлѣ своихъ сараевъ,—пусть будетъ въ этомъ заранѣе увѣжденъ каждый человѣкъ, которому случится проходить вдоль по Каретному ряду.— Вы спросите: да что же смѣшнаго-то находятъ ваши однорядцы въ какомънибудь мимоидущемъ человѣкѣ?—На это я могу вамъ отвѣтить только одно: все, не похожее на моихъ однорядцевъ-каретниковъ, возбуждаетъ въ нихъ какую-то странную и для нихъ самихъ непонятную неприязнь—такая неприязнь свойственна всемъ вообще дѣтски-незрѣлымъ или одичавшимъ отъ неразвитости натурамъ. Но самую обильную пищу для различнаго рода пошлыхъ остротъ и всякихъ сальностей почерпаютъ наши однорядцы изъ появленій передъ ихъ сараями какой-нибудь особы женскаго пола, особенно, если таковая особа недурна личикомъ—о! вотъ тутъ бы стоило прислушаться ко всему, что отпускаютъ наши однорядцы на счетъ мимоидущей особы, въ какой *конфузъ*, въ какое смущеніе, въ какой страхъ наконецъ приводятъ ея своими любезными шуточками да прибауточками.

Въ подобныхъ прибауточкахъ и шуточкахъ сильнѣе прочихъ всѣхъ «почтенныхъ» купцовъ Каретнаго ряда отличается нѣкій торговецъ каретами—имени его я не скажу, потому, зачѣмъ же слишкомъ ужъ раззадоривать разныхъ гусей?—а мимоходомъ замѣчу только то, что этотъ гусь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ чѣмъ-то вродѣ кучера, дворника или лакея—но всей вѣроятности онъ былъ лакей, потому что до сихъ поръ сохранилъ въ себѣ чисто-ла-

кейскую развязность, которую никакъ не можетъ прикрыть напускной солидностью, идущею къ нему не болѣе того, на сколько идетъ лобое сѣдло къ любой коровѣ. Еще не такъ давно у этого франтика на домашнемъ балкѣ случился скандалчикъ, доходившій до разбирательства у мирового судьи. Э! да что тутъ. Иной человѣкъ какую шкуру ни надѣнь на себя, а сквозь нее все-таки прежній-то навозъ будетъ проглядывать.

Порядкомъ тоже достается и проходящимъ по Каретному ряду мужичкамъ, особливо пьяненькимъ. Иного сиводлая нетрезваго купцы наши замазятъ въ одинъ которыйнибудь изъ своихъ каретныхъ сараевъ и всю-то рожу этому сиводлаю выпачкаютъ масляной краской, такъ что бѣдный сермажникъ изъ человѣка-то сразу и превратится въ воронье пугало. Ну, купцы-каретники посматриваютъ на него, да покатываются со смѣху—зущія дѣти, я вамъ скажу, ей-Богу право! Водилось за ними также и не советамъ дѣтскія шалости: бывало на дню-то человѣкъ трехъ изъ мимоидущихъ мужичковъ и поколотятъ ни зашто ни прошто. Но теперь, съ введеніемъ новаго суда, такія шалости прекратились, о чемъ весьма скорбятъ наши старики-купцы, «протяженнымъ сѣдовласіемъ» борода украшенные.—Э-эхъ-ма! время-то теперь не прежнее,—плачутся иногда эти «маститые старцы»,—а кабы прежнее было, такъ я бы ужъ этому вотъ человѣку насыпалъ въ загривокъ-то!..

О прежнемъ времени сокрушаются, значить, натура-то русская въ ширь лѣзетъ, простору требуетъ.

Авторъ «Плѣнной крысы», скалившійся надъ умственной нищетой «активныхъ героевъ крысиной трагедіи», въ концѣ своего очерка до нѣкоторой степени оправдываетъ каретнорядскихъ невѣждъ тѣмъ обстоятельствомъ, что много малограмотному человѣку иногда нечего бываетъ читать:—такъ мало у насъ является путѣвыхъ книгъ въ той грудѣ литературнаго хлама, который специально предназначается для «убогихъ» чтецовъ, подобныхъ чтецамъ Каретнаго ряда. Авторъ слишкомъ вѣжливо отнесся къ своему грубому матеріалу, онъ слишкомъ снисходительно взглянулъ на нашихъ убогихъ чтецовъ. Наши каретники не только *неспособны* къ чтенію путѣвыхъ книгъ или къ выбору ихъ изъ кучи литературнаго хлама, но они *способны* просто заѣсть такого человѣка, который изъявитъ способность читать путѣвыя книги и охоту выбирать ихъ изъ кучи литературнаго хлама, по дешевой цѣнѣ продающагося на всѣхъ толкучихъ рынкахъ. Попробуй-ка явиться въ средѣ каретнорядскаго купечества человѣкъ, проникнутый истиннымъ желаніемъ очиститься отъ грязной коры невѣжества, попытай-ка такой человѣкъ отказаться отъ «азартныхъ скачекъ за быстроногими крысами» или отъ оскорбляющаго встрѣчныхъ и поперечныхъ зубоскальства; осмѣлся-ка, говорю, такой человѣкъ посвятить драгоценное время,

РЯБИНЫ

— Хотъ бы дѣтей постыдилел! какой примѣръ ты подаешь имъ?
 — Примѣръ? да я для нихъ то и стараюсь: пусть видятъ, какъ скверно такъ нашивать....

въ продолженіе цѣлаго дня свободное отъ всякихъ занятій, чтенію полезныхъ книгъ—да его за такое вольнодумство кушцы Каретнаго ряда загоняютъ пуще чѣмъ любую изъ собакъ, извергнувъ какъ негодную траву изъ своего почтеннаго общества, заклеивая постыднымъ по ихъ мнѣнію именемъ *ученаго*, или, еще хуже—*сциалиста*.—Вотъ вѣдь какой у насъ народъ-то: не только самъ не хочетъ тронуться впередъ по благотворному пути цивилизаціи, но даже и другимъ-то на этомъ пути зараживаетъ дорогу. Не подумайте, что я преувеличиваю, цѣтъ! у меня факты подъ рукой, живые, воиющіе факты, которыми могу я когда угодно подтвердить истину всего, что сказано мной.

Но все, о чемъ до сихъ поръ я разсказывалъ, носитъ на собѣ характеръ одной лишь возмутительной дикости, а вѣдь герои, игравшіе «активную роль» въ «грандіозномъ событіи 29-го августа» способны откидывать штучки и свойства невинно юмористическаго и даже свойства, приводящаго душу въ умиленіе. Есть у насъ въ Каретномъ ряду такая игра, которая всего удобнѣй можетъ совершаться среди улицы. Играть въ эту игру называется *пядить* и состоитъ она въ томъ, что одинъ какой нибудь

балбесъ броситъ на мостовую копейку, а другой шалопаи долженъ кинуть свою монетку такъ, чтобы она легла отъ первой не дальше какъ на одну *пядь*, т. е. четверть. И какіе тузы, какіе богачи и съ какимъ азартомъ упражняются середь мостовой въ эту копеечную игру; сколько крику, сколько споровъ и ссоръ порождаютъ промежь сѣдобородыхъ тузовъ все эти забавы, свойственныя развѣ только малымъ ребятишкамъ, для которыхъ не пришла еще пора садиться за азбуку.

Но есть еще у насъ, такъ сказать, диалектическія игры, по части исконаемой философіи. Вотъ тоже потѣха-то! Сойдутся это съ одной стороны *Пикита Пустосвятъ*, наглавиѣйшій философъ-старовѣръ и его неразлучный со-товарищъ *Старце*, маленькая фитюлька такая, что выглядываетъ изъ своей каретной лавки словно какой хорекъ; съ другой стороны выступаютъ люди анти-раскольниковьяго закала—и начнется потѣха! Стоишь и слушаешь, и ни одного-то путнаго слова не услышишь, кромѣ ругательства; ничему кромѣ площадной брани не научишься. Но особенный азартъ пріобрѣтаетъ эта игра, когда въ ней приметъ участіе иѣкая личность, имѣющая тысячъ около ста чистенькаго капиталца, который у него запрятанъ

въ кованомъ сундукѣ. Этотъ ископаемый философъ должно быть воспитывался по методу Плюшкина и пошелъ чуть ли не дальше своего воспитателя. Опъ, т. е. ископаемый-то философъ, спитъ на своемъ сундукѣ, обложившись со всѣхъ сторонъ заряженными ружьями; живетъ едва ли не хуже, чѣмъ та особа, принадлежавшая ей высокоблагородію, г-жѣ Коробочкѣ, особа, которая ходила по двору, да мимоходомъ-то взяла и съѣла цыпленка. Но только ископаемый философъ цыплятъ не кушаетъ, такой роскоши себѣ не позволяетъ; а ѣсть что потухлѣй да побольше. По силѣ здраваго смысла онъ далеко уступаетъ Никитѣ Пустосвяту, но въ спорахъ имѣетъ если не перевѣсъ, то по крайней мѣрѣ *въсѣ* и вообще считается въ Каретномъ ряду личностью съ *въсомъ*, потому что у него *сто тысячъ* въ кованомъ сундукѣ; а съ таковымъ обиліемъ сокровища любая тумба прослыветъ въ Каретномъ ряду за генія.

Да! активные герои пошлой трагедіи не слишкомъ-то отличаются смѣлкой—обижены, нечего сказать, порядкомъ обижены на счетъ дальновидности. Напримѣръ: есть у насъ мзленкій такой человѣчекъ, превосходно скопировавшій съ обезьяны и мимику, и жестикуляцію, такъ что начнетъ ли говорить, или руками разводить во время разговора, или тамъ плечикомъ подергивать, головкой поворачивать—ну словомъ: обезьяна и баста! Всѣ ужимк и такъ вотъ и рисуютъ передъ глазами оборваннаго шарманщика, старую разстроенную шарманку, а на ней—вертящуюся фигурку мартышки въ красенькомъ колпачкѣ. Эта ловкая личность отмочила ловкую штучку такого рода: отдала внаймы каретную лавку одному изъ своихъ сотоварищей каретнорядцевъ, безграмотному простаку и написала условіе, по которому наемщикъ обязывался въ теченіе пяти арендныхъ лѣтъ выплачивать по третямъ арендную плату. Если же, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, наемщикъ, хотя бы въ первую треть, не сможетъ внести денегъ къ назначенному сроку, въ такомъ случаѣ, онъ, какъ несостоятельный и неисправный плательщикъ, обязуется немедленно очистить сарай и сверхъ этого, яко бы въ видѣ штрафа за неаккуратность или въ видѣ неустойки, уплатить хозяину сарая сполна всю сумму за всѣ за пять лѣтъ. Каковъ контрактець? не въ полиномъ ли смыслѣ варварскій? Но слушайте, что будетъ дальше.

Когда наступилъ первый срокъ для взноса денегъ за первую треть, наша смышленая мартышка, яко бы прогулки ради, взяла да и укатила изъ Москвы къ Николѣ на Угрѣши. Наемщикъ является къ мартышкѣ съ депѣгами—глядь: а мартышкинъ и слѣдъ простылъ. Что дѣлать? Кому вручить деньги, чтобъ не пропустить срока и не сдѣлаться безъ вины виноватымъ?... Плохо пришлось бы простаку, кабы смышленные люди не научили его, куда

слѣдуетъ немедленно внести арендную плату. Такъ западня-то мартышкина дѣла своего и не сдѣлала.

Вотъ каковы они, активные-то герои! Не однѣхъ собакъ и крысъ преслѣдуютъ, но и своему ближнему, своему сотоварищу, готовы на каждомъ шагу подстроивать ловушку. Грустно и тяжело становится жить въ такой средѣ; но всего-то печальнѣй, всего тяжелѣе то обстоятельство, что не для каждаго открыты изъ этой среды спасительные выходы!...

Оканчиваю мое письмо описаніемъ той сцены, или лучше, тѣхъ сценъ, какія разыгрывались въ Каретномъ ряду послѣ того, какъ былъ прочтенъ 36-й № вашего журнала.

Первое впечатлѣніе, произведенное на активныхъ героевъ статьей «Плѣнная крыса» было таково, что всѣ герои единодушно рѣшили напечатать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» самую убійственную критику на автора. Но всѣ другія лица, менѣе прикосновенные къ *крысиной исторіи*, встрѣтили «Плѣнную крысу» такимъ бурнымъ и до того заразительнымъ хохотомъ, что онъ, этотъ хохотъ, сообщился и самымъ героямъ, осwirѣпѣвшимъ въ первый моментъ по прочтеніи 36-го №.—Изъ этого вы можете видѣть, на сколько все таки толстокожи герои 29-го августа и какого стало быть безпощаднаго бича требуютъ они отъ сатирика.

Но дѣло не ограничилось однимъ хохотомъ. Люди, неповинные въ крысиномъ убіеніи, принялись отыскивать главнѣйшаго изъ активныхъ героевъ, того, что собственноручно держалъ привязанную къ крысиному хвосту бичевочку. Батюшкины сынки, принимавшіе болѣе или менѣе горячее участіе въ трагическомъ происшествіи 29-го августа, прямо указали на крысинаго купалу, который немедленно и былъ заклѣменъ прозвищемъ *крысубійцы*, прозвищемъ, котораго, можетъ статья, всю жизнь не стряхнетъ онъ съ своей необработанной головы. Почтенный батюшка сего *сынка*, готовый во всякое другое время подвергнуть крысу какимъ угодно истязаніямъ, на этотъ разъ однако взглянулъ на дѣло съ серьезной точки зрѣнія и преподалъ своему дѣтищу надлежащее родительское внушеніе:—вотъ молъ тебѣ, харя твоя необразованная! чувствуй! Это тебѣ за то, что ты на весь нашъ рядъ конфузъ навелъ.

Дознались, кто таковъ былъ и тотъ почтенный старецъ, украшенный «протяженнымъ сѣдлоласіемъ браны», старецъ, совѣтовавшій дать крысѣ малую толику отдыха, а потомъ ужъ и снова подвергнуть ее погруженіямъ въ грязный потокъ.

— Что, дѣдушка, говорятъ ему каретнорядцы,—и тебя на старости-то лѣтъ сквозь печать продернули? Дослужился, значить.

— Да што, братцы! возражаетъ дѣдушка,—пропади эта печать пронадомъ. Таперича совѣстно на свѣтъ Божій

взглянуть. Пойдешь ли, примѣрно, въ городъ—тамъ знакомые въ глаза смѣются; на Покровкѣ своя же братья каретники останавливаютъ съ расиросами: ну какъ?... какъ оно у васъ тамъ этакъ сдѣлалось-то?... Ахъ вы крысоловы этакіе!... Срамота, братцы!

Въ заключеніе передаю вамъ одно весьма загадочное обстоятельство. Со дня появленія въ свѣтъ статьи «Пятая крыса» многіе родители активныхъ героевъ зачили горькую и этотъ запой достигъ въ послѣднее время ужасающихъ размѣровъ. Что выражаетъ собой сей непонятный фактъ—горьчество или самобичеваніе?...

Примите и проч.

Коретнорядецъ.

НЕСЧАСТНЫЕ

Въ барышню юнкеръ влюбился;
Ей подпоручикъ былъ милъ;
Но не ее, а другую
Томъ подпоручикъ любилъ.

Барышня вышла съ досады,
(*Охъ испуская, да ахъ*),
За мужъ за штабсъ-капитана;
Юнкеръ же бѣдный псачъ.

А подпоручикъ добился
Только того, что узналъ,
Что не его, но артиста
Любить его идеаль.

Что же артистъ?... Кромъ водки
Онъ не любилъ ничего;
Водка-жь его не любила
И погубила его.—

Эта старинная пѣсня
Новою будетъ всегда:
Будьте въ любви осторожны,
Бойтесь любви, господа!

Аграмантовъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ КУРЬЕЗЫ И ЗАМѢТКИ

Миражи изъ дѣйствительной жизни. — Миражный рецензентъ.—Заслуженный рецензентъ.—Театраль-рецензентъ.—Бенефисъ заслуженнаго артиста.—Рецензентъ пошалаиваетъ.—Мушка увлекаетъ.—Артистка и гитара.—Три грибофловскіе типа.—

Похожденія мои за миражами изъ дѣйствительной жизни увѣчались блистательнымъ успѣхомъ. Такое ихъ набралось множество, что обо всѣхъ нихъ сразу и не выскажешься. Но всего замѣчательнѣе то обстоятельство, что эти дѣйствительно существующіе миражи въ курьезности

своей чуть-чуть только уступаютъ тѣмъ, которые представляются моему воображенію во снѣ. Нѣкоторые же изъ нихъ до такой степени неправдоподобны, что вѣрятся съ трудомъ. Но не смотря на ихъ кажущуюся невѣроятность, вашъ покорнѣйшій слуга принимаетъ на себя полнѣйшую отвѣтственность за дѣйствительное существованіе въ жизни такихъ миражей и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ себя обязаннымъ участвующихъ въ нихъ лицъ, въ случаѣ надобности, называть настоящими ихъ именами. Обидчивыя и щепетильныя личности имѣютъ полное право требовать меня лично на скамью обвиненныхъ. Смѣю увѣрить ихъ, что я ни за кого не буду прятаться, а самъ постою за себя и дамъ отвѣтъ за все высказанное мною. Не думайте, читатели, что подобнымъ воззваніемъ я хочу увѣрить васъ въ непогрѣшимости моихъ мнѣній, высказываемыхъ въ шуточной формѣ! Боже васъ избави отъ подобнаго предположенія! Гдѣ—человѣкъ, тамъ—и ошибка! Я посмѣюсь надъ людскими ошибками, а люди, въ свою очередь, посмѣются надъ моими!

«Смѣяться право не грѣшно

Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно!»

Гоняясь за миражами дѣйствительной жизни, мнѣ пришло набрести... да нѣтъ, вы пожалуй не повѣрите!... Говорить ли ужъ?... А? Любопытство начинается, кажется, васъ мучить. Ну... ну... такъ и быть, скажу. Наткнулся я на *миражнаго* рецензента, котораго до такой степени одолеваетъ миражи, что видѣть ясно онъ никакъ не можетъ: многое ему *только кажется*. Бѣды, разумѣется, въ томъ большой нѣтъ, но курьезно то обстоятельство, что этотъ рецензентъ на основаніи *кажущагося* рѣшается высказывать свои грозные приговоры. Такъ на примѣръ: критикуя игру артистовъ въ «Тартюфѣ», онъ заявляетъ, что роль Оргонта въ исполненіи господиномъ *Шумскимъ* переломилась *какъ-то* на двѣ части. Какая жалость! Плачьте, любезные читатели, плачьте! Далѣе оный рецензентъ замѣчаетъ, что у *г-жи Никулиной*, въ роли Маріаны, горе о томъ, что Оргонтъ выдаетъ ее за Тартюфа, высказывается *какъ-то* слабо. Опять *какъ-то*! Опять миражи, какъ видите, мѣшаютъ рецензенту уяснить испросвѣщеннымъ смертнымъ, въ чемъ именно заключается таинственное *какъ-то*! При этомъ нельзя не похвалить того же рецензента за его собственное сознаніе въ томъ, что онъ безсознательно высказываетъ свое мнѣніе объ игрѣ артистовъ и тѣмъ совершенно ужъ подтверждаетъ, что миражи сильно одолеваетъ его воображеніе. Нисколько не стѣняясь, онъ рѣшаетъ однимъ словомъ игру г-жи Рыкаловой въ роли Пернель: *хороша*, говорить, да и вся недолга! Какъ? Почему? Отчего?—о томъ не спрашивайте! Онъ вамъ не отвѣтитъ. «*Только мнѣ кажется*», прибавляетъ онъ, (должно быть въ видѣ успокоенія своей совѣсти) «ей», т. е. г-жѣ Рыкаловой,

- Ахъ, Маша, посмотри: безъ криволиновъ идуть!
- Теперь многія, сударыня, такъ ходять: и княгиня Валетова, и генеральша Тузова, и...
- Молчи, грубиянка! Я слышать этого не хочу!

«слѣдуетъ быть повсильчивѣе и говорить поскорѣе». Не правда ли, какъ ясно и толково? Ему, изволите видѣть, только кажется! Вольнымъ духомъ, не робѣя, онъ также рѣшаетъ, что г. Никифоровъ въ роли Лойала былъ прекрасенъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Вы вольны думать и предполагать, что это прилагательное употреблено въ смыслѣ краснаго цвѣта лица! Для него рѣшительно все равно! Онъ и тутъ сознается въ своей неувѣренности, прибавляя: *только мнѣ кажется...* А что именно ему кажется, предоставляю любопытнымъ прочесть ужъ самимъ въ № 39-мъ «Антракта», на страницахъ котораго и напечатана эта *кажущаяся* рецензія за подписью: *В. Родиславскій*. Отъ такого до наивности нерѣшительнаго рецензента нельзя не быть въ восторгѣ! Жаль только, что онъ подъ конецъ измѣняетъ себѣ и ужъ диктаторски высказываетъ свой приговоръ относительно исполненія господами Чумаковской и Колосовой роли Дорины. *Я не вполне доволенъ*, говоритъ онъ, — *ни тою, ни другою изъ этихъ артистокъ!* Не правда ли, вѣдь очень, очень сильно сказано? Онъ, изволите

видѣть, не доволенъ! Ему не кажется игра г-жи Колосовой лучше игры г-жи Чумаковской. Онъ не хочетъ смекнуть: отчего само театральное начальство поставлено было въ необходимость послѣ двухъ представленій Тартюфа передать роль Дорины г-жѣ Колосовой. Ему нѣтъ до того никакого дѣла! Онъ не внемлетъ и тому, что сама публика осталась до такой степени довольна новою Дориною, что глухой только могъ не замѣтить этого довольства. Оно выразилось, *кажется*, не очень тихо. Прискорбно, что тутъ рецензентъ не возжелалъ дать вѣры *кажущемуся*. Прискорбно это тѣмъ болѣе, что сопоставленіе на одну доску таланта г-жи Колосовой съ талантомъ г-жи Чумаковской многимъ можетъ показаться не смѣшнымъ, а слишкомъ грустнымъ фактомъ, парализующимъ всю его курьезность. Печатное заявленіе подобнаго факта на страницахъ театральной газеты «Антрактъ» можетъ быть объяснено единственно тяжкою тогда болѣзнію покойнаго его редактора, который прежде всего старался быть доказательнымъ въ своихъ рецензіяхъ и никогда не основывалъ ихъ на *кажущемся*.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

РЯБИНА

ПОДЪ ВЪСКАМИ.

— J'ai loué une madame pour marcher derrière mes enfants et leur montrer la langue.

РЯБИНА

НА ПЛЮЩИХЪ.

— Je sonne—personne!... Je ressonne—repersonne!

На дняхъ повстрѣчался я съ самымъ заслуженнымъ рецензентомъ. Вы представить себѣ не можете, какъ отраднa была для меня эта встрѣча. Ветеранъ фельетоннаго искусства подѣлился со мною такими курьезностями, утаить которыя отъ васъ было бы преступленіемъ съ моей стороны. Известно ли вамъ, напримѣръ, читатели, что во французской труппѣ г-на Рафаэля Феликса есть кое-что и хорошаго? Вѣрно не знали? Я тоже не подозрѣвалъ, но почтенный фельетонистъ увѣрилъ, что одно изъ главныхъ достоинствъ заключается... въ чемъ бы вы думали? Въ томъ, что всѣ артисты *всегда твердо знаютъ свои роли*. Какіе милые! У насъ вонъ тоже есть артистъ, изъ породы молчаливыхъ, который всегда твердо знаетъ свою роль и, высказывая ее публикѣ, всегда твердо даже отогрѣваетъ свои руки; но никто ему его твердое знаніе и твердое отогрѣзаніе въ достоинство не ставитъ. Тотъ же самый фельетонистъ ни разу не похвалилъ его. А отчего?—Да оттого, надо полагать, что твердое знаніе роли считается достоинствомъ на французскомъ только

языкѣ и о такомъ достоинствѣ не слѣдуетъ умалчивать въ *добросовѣстномъ* отчетѣ. (Добросовѣстнымъ фельетонистъ называетъ свой собственный отчетъ. Онъ вѣдь очень скромный писатель). Въ число достоинствъ французскихъ артистовъ ставится имъ и то обстоятельство, что не у каждаго изъ нихъ хватаетъ таланта *типически* воспроизвести личность, но что въ каждомъ *видно, по крайней мѣрѣ, стараніе*. У нашего вышеприведеннаго артиста также не хватаетъ таланта, но старанія очень, очень много; а никто его за то по головкѣ не гладитъ, потому вѣроятно, что стараніе цѣнно только во французяхъ. У нихъ *одно стараніе не быть диссонансомъ въ общемъ аккордѣ производитъ уже хорошее впечатлѣніе*. Ну просто эти французы, по словамъ фельетониста—маги и волшебники! А какіе они вѣжливые! Почтенный фельетонистъ утверждаетъ, что если добросовѣстное (въ родѣ вѣроятно молчалинскаго) усердіе и нельзя назвать искусствомъ, то можно причестъ... къ чему бы вы думали? держу пари не отгадаете!—Къ знанію *сце-*

ническаго приличія, обличающаго уваженіе къ публикѣ. Фельетонистъ рекомендуетъ подобное *знаніе*, какъ *при- мльръ, достойный подражанія*. Спасибо ему! Онъ очень добрый человѣкъ, потому и можетъ писать *добросовѣ- стные* отчеты. Да испошлетъ на него Аполлонъ всѣ таланты и да вселитъ въ него логическое теченіе мыслей! А то онъ по добротѣ своей иногда сбивается. На стра- ницѣ 15-й, положимъ, увѣритъ васъ, что каждый артистъ труппы г-на Феликса *избѣгаетъ привычныхъ пріемовъ*, отрѣшается отъ личнаго я; а на 16-й страницѣ фельето- нистъ забудетъ, что говорилъ на 15-й, и приметъ увѣ- рять, что (самый лучший артистъ, краса труппы,) г. Ра- вель обладаетъ *однообразными пріемами*. И тутъ же, какъ будто вскользь, замѣтитъ, что большинство москви- чей *не обжилося съ парижскими правами* и что у насъ нѣтъ *tiers-état*, понимающаго по французски. Не знаете ли вы, читатели, что это за звѣрь *tiers-état*? Я давно надъ этимъ словомъ ломаю свою голову. Поломайте-ка вы теперь свои! Въ словарь Эртеля оно значить: *среднее состояніе и третій чинъ въ государствѣ*. По у рецензента оно имѣетъ какое нибудь особое таинствен- ное значеніе, а то онъ такъ бы и назвалъ *третьимъ чиномъ* или *среднимъ состояніемъ*. Какъ хотите, а другой тутъ умыселъ! Доберитесь пожалуйста до него! Если угодно знать имя этого фельетониста, то я могу только сообщить вамъ, что подъ статью, изъ которой извлечены мною выставленные здѣсь *діаманты* и которая въ цѣ- ломъ своемъ составѣ напечатана въ № 35 «Современной Лѣтописи»,—красуется подпись: *И. Пановскій*.

Заслуженный артистъ *г. Колосовъ* въ свой бенефисъ возобновилъ боборыкинскаго *Ребенка*, который, точно въ люлкѣ, давно покоился на полкѣ театральной библіотеки. Авторъ, наградивъ свое дѣтище самую нелѣпою идейкою, пустилъ гулять его по бѣлому свѣту безъ всякой под- цоры. Онъ разумѣется уходился и захрапѣлъ сномъ пра- ведника, но какой-то лукашка надумилъ г-на Колосова разбудить этого ребенка. Похвалить за то нашего артиста нельзя. «Ребенокъ», какъ драматическое произведеніе, крайне неосостоятельно во всѣхъ отношеніяхъ, но смотрѣлся публикой съ большимъ сочувствіемъ, единственно благо- даря таланту *г-жи Оедотовой*. Природная первозность этой артистки, ея нецривторныя слезы помогаютъ скры- вать недостатки характера, *сочиненнаго*, изъ собственной своей фантазіи, авторомъ.

Въ первомъ дѣйствіи дѣвушка-ребенокъ кажется наивною до глупости, до идиотизма. Помираетъ со смѣху надъ вы- читанными ею фразами. Стихъ въ родѣ: «Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!» вызываетъ хохотъ. Фраза: «Нужно выяснитъ свои отношенія къ людямъ!»—опять хохотъ. И вдругъ эта наивность, не умѣющая перечестъ десяти безъ пальцевъ, является грознымъ судьей своего

отца, требуетъ у него отчета въ его поведеніи, въ е- образѣ жизни, въ судьбѣ своей матери. Ну, съ чѣмъ это сообразно! Авторъ не беретъ на себя ни малѣйшаго труда развить психически характеръ своей героини. Всѣ переходы душевные совершаются экспромтомъ, случайно. Поеплет- ничаетъ Мароа и Ребенокъ, совершенно непонимающій жизни, вдругъ превращается въ возмужалую дѣвушку. По- бесѣдуетъ съ этой дѣвушкой тетя, и дѣвушка превращается въ трагическую страдалицу. Не правда ли, какъ все это просто! Всѣ шивки даже видны! Вотъ такими-то пру- жинками и приводится въ дѣйствіе вся драма. Много надо имѣть таланта артисткѣ, чтобы скрыть такія толстыя, живыя нитки мертвой пьесы. Честь и слава г-жѣ Оедо- товой. Она своею прочувствованною игрою заставила за- бытъ всѣ недостатки самой пьесы.

Одинъ изъ театраловъ, именующій себя *С. Яковле- вымъ*, печатно заявляетъ въ томъ же 35-мъ № «Совре- менной Лѣтописи», что будто отъ роли «Ребенка», между прочимъ, у г-жи Оедотовой осталась въ игрѣ *плакси- вость тона*. Какими способами могъ г. С. Яковлевъ дойти до такой интотезы... виновать: *аксіомы!*... не бе- русь разрѣшать! Да вѣроятно онъ и самъ не разрѣшилъ бы! Трудно очень! Вошь онъ увѣряетъ, что будто *г. Са- маринъ* сдѣлалъ *трагидраматическую* роль изъ Тар- тюфа! Неужели же этому и вѣрить?—Онъ вѣдь шутить! Всѣ, кто только видѣли г. Самарина въ этой роли скорѣе обвинять его въ излишней веселости, въ глумленіи надъ самимъ Тартюфомъ, а не въ трагизмѣ, котораго нѣтъ и слѣда. Театралъ просто расшалился. Шутки-ради, вѣро- ятно, онъ доводитъ также до свѣдѣнія своихъ читателей, что будто г. Самаринъ, *накинувъ на себя маску лице- мльріа, драпировался ею съ серьезностью*. Ну, судите сами: развѣ можно драпироваться маскою! Какой этотъ театралъ должно быть шалуни! Вздумалось ему также, ни съ того, ни съ сего, упрекнуть *г-на Шумскаго* за то, что онъ, по его мнѣнію, не *вошелъ* въ роль Оргонта. Выговариваетъ ему также и за то, что онъ выказалъ *какую-то* твердость характера, *какую-то* желѣзную волю, при которой будто бы дѣлалось совершенно *необъясни- мымъ его подчиненіе* Тартюфу. Кто же виновать, что г. театралъ, хвастающійся знакомствомъ съ брошпурой неизвѣстнаго ему самому автора. *Lettre sur la comédie de l'Imposteur*, уяснилъ себѣ на выворотъ характеръ Ор- гонта. Не понялъ, что Мольеръ имѣлъ именно въ виду выставить въ Оргонтѣ характеръ не дюжинный, чтобы тѣмъ придать еще большее значеніе обаятельному влиянію такого хаши, какъ Тартюфъ. Театралъ договорился подъ конецъ до того, что ему ужъ стало *казаться*, что гг. Самаринъ и Шумскій могли бы помѣняться ролями. Какое сильное, поэтическое воображеніе! Не даромъ видно почтенные издатели «Московскихъ Вѣдомостей» отвели

мѣсто для рецензій гг. Пановскаго и Яковлева не на страницахъ вѣдомостей, а въ *Воскресныхъ прибавленіяхъ* къ онимъ, то-есть берегутъ такіа поэтическія рецензій, *pour la bonne bouche*, вмѣсто праздничнаго пирожнаго.

Вмѣстѣ съ старымъ «Ребенкомъ» даны были двѣ новыя одноактныя пьески: *Гласная касса ссудъ* и *Первый чинъ*. Каюсь, не удалось мнѣ видѣть *кассы*, но *Первый чинъ* просмотрѣлъ не безъ удовольствія. Въ этой пустенькой картинкѣ нѣкоторые характеры обрисованы довольно удачно. *Г. Садовскій* типично передаетъ личность отставнаго чиновника, который отъ нечего дѣлать пишетъ замѣтки въ календарь и ко всемъ пристаеъ съ вопросомъ: «Когда Пева стала?» *Г. Одетовъ*, изображающій первый чинъ, искусно умѣлъ соединить въ себѣ два разнородные типа: канцелярскаго чиновника, получившаго чинъ, и разбитнаго разнощика, надувающаго православный людъ. Какой талантъ! Изъ этой пьески публика можетъ почерпнуть большое количество загадокъ въ родѣ напримѣръ: «Отъ чего утка плывеъ?» — Отгадка: «Отъ берега!» — «Что съ козой послѣ четвертаго года бываетъ?» — Отгадка... Ну, да отгадку я вамъ не скажу: сами разгадайте!

Недавно мнѣ удалось увидать наяву ту самую *мушку*, которая пригрезилась мнѣ въ прошлый разъ во снѣ. Ахъ, какая она очаровательная! Безъ восторга нельзя смотрѣть на ея голубые глазки и пепельные волосики. Чтобъ полюбоваться на ея два блѣднорозовыя крылышка, не жаль отдать пять ярко-красныхъ бумажекъ. Похожденія очаровательной *мушки* полны самаго живаго интереса, но о нихъ до болѣе свободнаго времени.

Слухи посятся, что будто одна молодая артистка такъ хорошо умѣетъ играть на *гитарѣ* и съ такимъ искусствомъ перебирать самыя тонкія струны, что прямо въ ея карманы сыплется маина, въ видѣ полновѣсныхъ червончиковъ.

Поговариваютъ также, что будто три грибоѣдовскихъ типа: *молалинскій*, *фамусовскій*, и *репетитовскій* отплатили самую черною неблагодарностью своему *учителю*. Они все отвернули свои лики въ тотъ самый моментъ, какъ только ихъ наставникъ пересталъ имѣть для нихъ значеніе. Послѣдній изъ этихъ типовъ (репетитовскій) оказался комичнѣе всѣхъ по своей курьезной выходкѣ. Онъ ужъ совсѣмъ нагнулъ голову, чтобъ поклониться, но увидавъ, что никто, изъ собратовъ по искусству, не кланяется, пустился улететь безъ оглядки. И смѣшно, и грустно!

А. В.

БЕСѢДА ДВУХЪ ИЗВОЩИКОВЪ

Вчера мнѣ пришлось подслушать вотъ какой разговоръ и до сихъ поръ я не могу надивиться на быструю смѣтку нашего неповоротливаго на видъ простолюдина.

— Ты чего, Ванюха, пригорюнился?

— Пригорюнишься тутъ, коли ничего не клеится да вездѣ лопается,—хоть петлю надѣвай.

— Да, дурова голова! а ты толкомъ говори; въ чемъ дѣло?

— Говори не говори, не поможешь тутъ, такое горе случилось, что семнадцатый лобъ ничего не достукается.

— А може врешь?

— Нѣтъ, не вру.

— Ну, дуракъ.

— Что ты лаешься-то? вѣдь сказать, не поможешь, вѣдь новую ногу моему Сѣркѣ не приставишь? ну и молчи.

— Сломалъ? это что 40 рублей-то заплатилъ? меренъ-то?

— Онъ самый, вотъ на этомъ мѣстѣ, какъ есть пополамъ перешло, на живодерню тащить придется.

— Какъ-же это съ нимъ попричилось?

— Лѣсъ возилъ, онъ и поскользнулся подъ бревно, а я съ дуру-то кнутомъ ударилъ, чтобъ мнѣ пусто было!

— А ты погоди, на живодерню возить, пойдемъ разопьемъ полштофа, я угощу, послѣ отдашь, да смотри, барыши пополамъ. Идетъ чтоли?

— Да ты никакъ ошалѣлъ? Какъ же это можно, чтобы ногу таперича... да еще барыши какіе-то...

— Ну, дуракъ-же ты, коли мнѣ не вѣришь. Николашка братецъ ты мой, цусгяковъ болгать не станеть. Пойдемъ.

Меня это до того заняло, что я рѣшился идти за ними. Народу въ кабацѣ было много, и мнѣ удалось помѣститься очень близко къ Николаю, который выкинулъ стертый серебряный четвертакъ на столъ и потребовалъ полштофа водки.

— Лошадь, у тебя, Ванюха, стоила 200 руб., началъ Николай.

— 40 рублей, больше никто не далъ бы.

— Не твое дѣло, слушай и молчи.

— Ну, ну!

— Купилъ ты ее у меня.

— Эвоя!

— Молчи, тебѣ говорить.

— Ну!

— Послѣднія деньги отдалъ 100 р., а 100 долженъ остался.

— Да за чѣтъ это?

— Не твое дѣло, молчи.

— Ну ладно.

— У Пречистенскихъ воротъ есть проулокъ Безымянный прозывается.

— Кое мѣсто?

— А какъ къ Москвѣ рѣкѣ-то спускаться, первый на правую руку будетъ.

— Знаю; еще тутъ мостикъ поперекъ его, при началѣ-то.

— Те-те-те! ну, понялъ?

— Понялъ. Я тамъ мѣсяца 4 тому назадъ, чуть было самъ ноги не сломалъ, провалился.

— Да ты что понялъ-то?

— Мѣсто-то гдѣ, знаю.

— Дуракъ-же, братецъ, ты. Ему въ ротъ положи, да и разжуй еще, тогда только онъ пойметъ.

Они выпили, чокнувшись, по стакану водки; потомъ повторили.

— Ну слушай-же и не раздумывай, а дѣлай, какъ я скажу: завтра объ эту пору приводи ты какъ ни на есть своего мерена въ Безымянный проулокъ, къ тому самому мостику, а я у Кириллыча лошадь съ телѣгой возьму и тамъ тебя дожидаться стану. Какъ ты съ мереномъ-то явишься, я значигь сейчасъ Кириллычеву лошадь выпрагу, а Сѣрку твоего повалимъ на мосту; ты

карауль заорешь, ди и ахѣй хорошенько... что глаза-то выпучилъ, али не умѣешь карауль кричать?

— Стой. Понялъ, братъ, теперь, доподлинно.... Ну голова! нечего сказать.... Молчи, болѣе не говори ни слова.... Понялъ. Эй малый! Еще полуштофъ сюда сладенькаго; я деньги отдамъ.

— А ты не знаешь, чей мостъ-то? Ужъ больно давно онъ гнидой-то стоитъ.

— Молчи. А тѣ вонъ баринъ-то прислушивается, еще пожалуй все дѣло испортитъ. А слава Богу, что есть такой мостъ: хоша по немъ ѣздить и опасно, а все при случаѣ можно всякую бѣду на него свалить, и убытки воротить съ кого слѣдуетъ.

N. N.

СОДЕРЖАНІЕ.

Думы. Стих. Н. Сурикова.
Сокольницкая Идиллія. Н. Славронскаго.
По поводу статьи «Ильинская крыса». Каретнорадца.
Несчастный. Стих. Аграмантова.
Театральные курьезы и замѣтки. А. В.
Бесѣда двухъ извозчиковъ. N. N.
Объявленіе.
Рисунки.

Редакторъ—Издатель **Θ. МІЛЛЕРЪ**

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРСТИЧЕСКІЙ, СЪ КАРРИКАТУРАМИ,

въ 1868 году. (Годъ десятый).

Развлечение будетъ выходить въ 1868 году по той же программѣ, въ тѣ же сроки, т. е. 1 разъ въ недѣлю, и при тѣхъ же условіяхъ. Подписываться можно:

ВЪ МОСКВѢ: въ Конторѣ журнала Развлечение; въ Газетной Экспедиціи моск. почтамта; у книгопродавцевъ: А. И. Глазунова, И. Г. Соловьева, Салаевыхъ, Анисимова, Ушакова, Черепина, Улитныхъ, Клочкова и Кольчугина.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: у А. Θ. Базунова, А. И. Давыдова, Овсянникова и Кожанчикова.

ВЪ КАЗАНИ: у Кожанчикова и Четвергова.

Цѣна журнала въ Москвѣ 3 р. 50 коп.; съ пересылкою въ города 5 р. с.

За доставку на домъ въ Москвѣ прилагивается 1 р. с.

Съ пересылкою за границу: въ Германію и Австрію 5 р. с., во Францію и Италію 6 р. с., въ Англию и Испанію 6 р. 50 к. с. въ Швейцарію 7 р. с.

Издатель—редакторъ **Θ. Миллеръ.**

Къ этому № прилагается для всѣхъ подписчиковъ объявленіе о изданіяхъ П. С. Львова и В. Г. Генкеля.